

Письма русских писателей XVIII века

ПИСЬМА

Николая Александровича ЛЬВОВА

Василию Васильевичу Капнисту

1

23 декабря 1789

23 декабря, Петербург.

Я писал к тебе вчера, третьего дни. Сегодня у меня более нежели когда-нибудь голова болит, то я хочу попробовать письмом к тебе лечиться.

«Ответ» твой¹ я читал и точно то нашел в нем, что найти надеялся. Замысловатый оборот плана, выдержанный, а не разрушенный подробностями, такие красоты мыслей, из коих бы я желал часть поместить, и в выражении меньше живописи, нежели в друге нашем, *mais un dessein plus correct; croyez-moi, mon ami, que vous êtes fait pour des ouvrages à système, pour un poème plutôt que pour une ode; ça n'empêche pas pourtant, que vous n'exprimiez avec grâce un moment de sensibilité, comme dans l'ode «Sur l'Espérance» ou «Sur la Perte»²... Ouf, me voilà engagé... pardon, mille fois pardon.**

Есть некоторые негладкости, тредьяковщины и переносы, несвойственные языку, кои однако скорость твоя извиняет, их ты позволишь поправить, когда я Гаврилу³ найти предусею, этому уже пятый день, как я его не сыщу. — Меркур у Тредьяковского только является, у тебя может быть Гермес,⁴ прочего я не помню, а у меня копии нет, да и оригинала не могу достать у оригинала татарского.

Вышел недавно увраж 4-й и в <нрзб> тома «Le voyage du jeune Anacharcis dans la Grèce ancienne». On dit, que c'est le livre des livres. On voyage dans le climat que l'auteur peint depuis la première page jusqu'à la fin. Les hommes les plus opposés de goûts, d'esprit et d'inclination sont d'accord sur son éloge. J'ai écrit en Hollande pour l'avoir. C'est l'abbé Barthélemi⁵ qui l'a mis au monde après le travail de 18 ans. Il est cher, mais il coûte moins de ce qu'il vaut.

Nous n'avons rien de bon, rien de nouveau en fait de littérature nationale, on nous promet <нрзб> chacun de la traduction d'Illiade, mais ne fait que promettre... et Costroff⁶ sacrifie au Bacchus.

Adieu, mon ami, voilà une lettre bien littéraire. C'est que ma tête est vide de logique. Adieu encore.**

Перевод:

* но расположение более правильно. Поверьте мне, друг мой, вы созданы для сочинений сложных, скорее для поэмы, чем для оды. Однако это не мешает вам с при-

ятностию выразить чувствительный порыв в оде «На надежду» или «На утрату».² Ох, слишком далеко зашел... Прости, тысячу раз прости.

** ... «Путешествие юного Анахарсиса по древней Греции». Говорят, что это книга книг. Совершаешь путешествие по стране, которую автор описывает на протяжении всей книги от первой страницы до последней. Люди самых различных вкусов, мыслей, склонностей единодушно ее восхваляют. Я написал в Голландию, чтобы ее получить. Выпустил ее в свет после 18 лет труда аббат Бартеlemi.⁵ Стоит она дорого, но дешевле, нежели того заслуживает.

В отечественной нашей литературе нет ничего хорошего, ничего нового. Нам обещают <нраб> перевод Илиады, но только обещают... а Костров⁶ приносит жертвы Бахусу.

Прощай, друг мой, вот поистине литературное письмо.

Это потому, что голова моя пуста и бестолкова. Еще раз прощай.

2

28 ноября 1794

28 ноября 1794 года.

Я весьма рад, друг мой, что вчера получил письмо твое и заповедь твою в рассуждении женщин. Исполню на одном только условии, чтобы, так как ты их не велишь слушать, чтобы ты не слушал законников или пустосвятов — продадут, братец, так, как меня продали, сперва заведут кашу, а потом хоть и себе выведут на руку, но того уже накормят, для кого варили — пусть это покудова между нами будет загадка, они, может быть, тебе сами растолкуют, хотя не в мою пользу.¹ Впрочем я Анны Петровны² не слушал, и, несмотря на слезы, она меня к тому не сбила, а кто ее сбил к тому, о том плачься Богу, а слезы вода. Посылаю к тебе, мой друг, целый груз стихов — посредственных, дурноватых и дурных, между прочим по старшинству следует «Песнь Екатерине II», которую намахал наш искренний приятель.³ И я накануне ему предсказал, что ему вымоют голову — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушайся приятелей; а как я его впрочем накануне ни просил многое выкинуть, кое-что поправить.

Но можно ль удержать советом бурю
Такого автора, который за столом
В беседе и с пером
Все любит тюрю.⁴

Я сам не пишу к тебе для того, что у меня глаза болят. Однако напишу немножко.

Ты утешаешь его стихами о потере Катер<ины> Яков<левны>, несравненной сея жены; потому что он говорит — я не хочу учиться... и для того Дарья Алексеевна хочет итить за него замуж. Ну-ка, кто скажи что действительно?⁵

Прости, брат, вручители двух твоих писем не вручали мне оных, и я их никогда не видал. Сашу целую.⁶

28 сентября 1795

Село Никольское
795 год, сент. 28 числа.

Поверишь ли ты, друг мой, что ласкательная твоя ко мне доверенность, всегда мне удовольствие причинявшая, на теперешний раз меня оскорбила, и я перевода твоего, мне кажется, очень хорошего, никак не могу поправить, хотя некоторыми стихами не совсем доволен.¹ Я как-то поглупел и потерял ту способность подделываться под тон приятелей своих, когда дело шло о поправлении какой-нибудь стихотворческой ноты. Может быть, по возвращении в Петербург и при свидании с лирической музою Гаврила Романовича возвратится ко мне способность услужить тебе, которую изменническое здоровье Марьи Алексеевны² у меня похитило. Ей однако, слава Бгу, лучше и гораздо лучше, она ходит уже по горнице без всякой посторонней помощи. При выздоровлении ее ничто ее еще в словесном свете так не обрадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные.³ В нем подлинно столько ошибок, что никто не усумнится в той истине, которую, погоня меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам заметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же самому аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки на такие стихи, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности.

Я очень тебе верю, что твой перевод много труда стоил и, похваляя твою точность, не знаю, однако, для чего твой вкус поленился выкинуть многие галликанские местные затеи, без которых бы русские твои сады, облегча твой труд, не потеряли ни красоты, ни тени; и каково вообразить, что твой Филипп,⁴ которому Делиль⁵ приносит в жертву талант свой, есть тот самый Egalité, которому мало было под гюиллиотиною казни. На месте его приятнее бы, кажется, красовался в стихе русском Иван Андреевский⁶ и твой Терентий (ежели впрочем он не так тебя теперь обдирает).⁷ Вить такая беда, что чем перевод русский совершеннее, тем несноснее и чувствительнее подобные занозы. Но мы когда-нибудь вместе его с тобою прочитаем, и их легко будет с корнем выдернуть; а ты между тем сади свой обуховской сад из благодарности, что тень его лучше вод Иппокренских дает тебе жизнь покойную и хорошие стихи.

Глаза мои все еще бельмы, мой друг! И я не могу сам беседовать с тобою рукой моей, так как бы хотелось, то есть и много и долго.

Р. S. Вот еще какая новость. М...ов <нрзб> потерял не только все мои сочинения, сколько их ни было, но и записки мои, до художеств касающиеся, и все мои журналы.⁸ Нет у меня теперь в библиотеке ни строчки, а в голове ни одной мысли. Я чаю, ты бы за это рассердился. И я бы рассердился, да стал глуп очень, так все равно, прости.

КОММЕНТАРИИ

Н. А. Львова и В. В. Капниста связывала прочная многолетняя дружба, скрепленная их родственными отношениями, а главное — сходством их взглядов, литературных вкусов: оба они входили в дружеский литературный кружок, группировавшийся около Г. Р. Державина.

Особая роль в этом кружке принадлежала Н. А. Львову: человек для своего времени широко образованный, разносторонне одаренный, он щедро помогал друзьям в их литературной работе, ему обычно принадлежал «решающий голос» в литературных спорах, нередко принимавших довольно острый характер.

В 1783 г. Капнист покидает Петербург, постоянно живет на Украине, в своем родовом имении Обуховке. С этого времени между поэтами возникает оживленная переписка. Публикуемые письма Львова представляют интерес и как образцы художественной прозы своего времени. Шутливые или серьезные, они остроумны, «очень литературны»: в них рассказ о литературных новинках, дружеские советы Капнисту, критические суждения о его творчестве, творчестве Г. Р. Державина и некоторых других поэтов-современников.

Письма хранятся в отделе рукописей Центральной научной библиотеки УССР.

1. Автограф — III, 23824.

¹ «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» написан Капнистом в конце 1789 г., опубликован в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (1790, ч. XLVII), является откликом на оду Державина «Изображение Фелицы» (Новые ежемесячные сочинения, 1789, ч. XLI). Капнист в «Ответе» весело и остроумно вышучивает неумеренные восторги автора в адрес Фелицы. Державин обиделся, ответил резким, раздраженным письмом (Державин, т. 5, с. 766). Львов встал на сторону Капниста: очевидно, пышный державинский комплимент императрице, растянувшийся на 58 строф, противоречил и его эстетическим принципам.

² Имеются в виду оды Капниста «На надежду» (Санктпетербургский вестник, 1780, ч. VI) и «На утрату» (Новые ежемесячные сочинения, 1787, ч. XVI), позднее названная «На смерть сына моего».

³ Гаврила — Г. Р. Державин.

⁴ Капнист, очевидно, учел замечания Львова: уже в первом издании «Ответа» он пишет: «...Которое Гермес крылатый Ему на сей доставит свет».

⁵ Аббат Бартелемж (1716—1795) — французский ученый и писатель. Его книга «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» (1788) была очень популярна в передовых читательских кругах Франции и России.

⁶ Костров Ермил Иванович (1755—1796) — поэт и переводчик. Первый сделал стихотворный перевод «Илиады» Гомера на русский язык. Перевод песен 1—6 был завершен в 1787 г. (Гомер. Илиада. Песни 1—6. СПб., 1787), однако неблагоприятные условия жизни и пристрастие к вину помешали завершить работу: перевод 7—9-й песен вышел уже посмертно (Вестн. Европы, 1811, т. LXIII, № 14 и 15) и в незаконченном виде.

2. Оригинал — III, 23821; текст рукой секретаря, только последние три абзаца — автограф.

¹ Речь идет о каких-то неприятных житейских ситуациях, которые пришлось пережить Львову и от которых он предостерегает Капниста, однако сущность их, а также кто такие «законники» и «пустосвяты», остается невыясненным.

² Очевидно, Анна Петровна Квашнина-Самарина, великосветская красавица, фрейлина, дочь сенатора, которою были серьезно увлечены Державин и Капнист. Имя ее неоднократно упоминается в их переписке.

³ Ода Державина «На взятие Варшавы» (в первой редакции 1794 г. она называлась «Песнь ее величеству Екатерине II»). Ода вызвала недовольство императрицы, так как, по мнению автора, была ей кем-то «худо растолкована», почему при жизни ее больше не печаталась. Сам Державин очень высоко ценил эту свою оду как «лучшее изображение его таланта или гения» (Примечания на сочинения Державина. — В кн.: Вопросы русской литературы, вып. 1/23. Львов, 1974).

⁴ Намек на вспыльчивый бурный характер Державина и воспоминание о шуточном соревновании трех друзей-поэтов, воспевавших «тюрю», в котором победителем был признан Державин.

⁵ Екатерина Яковлевна Бастидон, первая жена Державина, умерла в июле 1794 г. совсем молодой. Смерть ее тяжело пережил не только Державин, но и ближайшие его друзья — Львов и Капнист. Однако вскоре Державин сделал предложение Д. А. Дьяковой, в январе 1795 г. состоялась свадьба. Такая поспешность вызвала осуждение Львова, о чем свидетельствует иронический тон его собственноручной приписки и многозначительное сравнение с фонвизинским Митрофанушкой («Не хочу учиться, хочу жениться»).

⁶ Саша — Александра Алексеевна, жена Капниста.

3. Оригинал — III, 23824; текст рукой секретаря, только последний абзац — автограф. Частично опубликовано и прокомментировано Д. С. Бабкиным (*Капнист В. В. Собр. соч., М. — Л., 1960., т. 1., с. 719; т. 2, с. 552.*)

¹ Речь идет о переводе Капнистом поэмы Ж. Делиля «Сады». Д. С. Бабкин публикует сохранившийся отрывок этого перевода, предполагая, что в целом он не был завершен, а рукопись утеряна.

² Марья Алексеевна — жена Н. А. Львова.

³ Н. А. Львов издал перевод Анакреона (по подстрочнику Евгения Булгариса) — «Стихотворения Анакреона Тийского». Кн. 1—3. СПб., 1794. Приложенные к изданию стихи В. В. Капниста, посвященные М. А. Львовой, первоначально назывались «На перевод Анакреонта», позднее получили название «Красавице» (*Капнист В. В. Собр. соч., т. 1, с. 719.*)

⁴ Филипп Эгалите (1747—1793) — герцог Орлеанский. Французский политический деятель. В годы Великой французской революции занимал двойственную позицию — отказался от титула и принял фамилию Эгалите (равенство), усиленно афишировал свои демократические симпатии, голосовал за смертный приговор королю, чем навлек на себя гнев сторонников монархии; в то же время не оставлял надежд на королевский престол, за что и был казнен по обвинению в попытке восстановления монархии и захвата власти.

⁵ Жак Делиль (1738—1813) — французский поэт и переводчик. Занимал блестящее положение при дворе, пользовался расположением королевской семьи, был убежденным сторонником и защитником монархии Бурбонов, что нашло отражение и в его поэме «Сады» (1782). Поэзия Делиля близка к классицизму, в основе своей риторична и описательна, чем объясняется сдержанное отношение к ней Львова и совет его Капнисту выкинуть «многие галликанские местные затеи», отказаться от точности перевода, сделать его более близким русскому читателю.

⁶ Иван Андреевский — лицо неустановленное.

⁷ Терентий — управляющий имением Капниста.

⁸ Кто такой М...в, когда и при каких обстоятельствах он опустошил библиотеку Львова, установить не удалось.